

Бояркина Н. В. Л.Н. ТОЛСТОЙ И КРЫМСКАЯ (ВОСТОЧНАЯ) ВОЙНА

Тема «Толстой и Крым» достаточно широко освещена в литературе о писателе, однако говорить об её исчерпанности было бы преждевременно. Лев Толстой – личность противоречивая и парадоксальная, и Крымская (Восточная) война – событие далеко не однозначное в русской истории. Вместе с тем трактовка образа Толстого, отношение к творчеству писателя в период его первого пребывания на полуострове (1854 - 1855 годы), и, наконец, оценка политической роли мыслителя в развитии страны определяется тем углом зрения, под которым рассматриваются события Крымской войны (а их может быть несколько: славяно-фильская, западническая, консервативная, революционная). Соответственно роль Толстого как представителя русской нации, наиболее полно и ярко отражающего противоречия русского самосознания, будет изменяться в зависимости от того, как мы относимся к «издевательскому шушуканью русской публики над действиями её правительства», – считаем это шушуканье заслугой перед Отечеством и выражением любви к нему или же, вслед за Н.Г. Чернышевским, находим это шушуканье «гнусным» и «убийственным» для русской нации: «русские наповал язвили в своих низких разговорах, – всех и все, – от покойного государя до последнего солдата, от правительственных действий до кремневых замков наших тогдашних ружей; это был шёпот такой же гнусный, как прежний крик, и столь же убийственный для русской нации: крик накликало на нас врага, шёпот мешал миру» [9, с. 179]. И покойному государю («Николаю Палкину»), и русскому солдату, и материально-технической базе страны достаточно перепало от русского классика.

Отношение Толстого к событиям Крымской войны, естественно, определяется его мировоззренческой позицией: его отношением к войне вообще и тем, с каких позиций он оценивает конкретный военный конфликт: с позиций «общечеловеческого», «сквозь европейские очки», или русскими глазами. Какова же позиция Толстого?

«Лично-гениальный Толстой всё-таки вырос на тройном русском отрицании, на отрицании политическом, то есть на отрицании всего социально-высшего, – это раз. Результат: чрезмерное поклонение мужику, солдату, армейскому и простому Максим Максимычу и т. п. Потом на отрицании моральном – в первых произведениях, особенно в «Детстве» и «Севастопольских очерках», всё тщеславие и тщеславие! Анализ односторонний и придирический: искусственное, противоестественное возведение микроскопических волокон в размеры тканей, доступных глазу невооружённому. И, наконец, на отрицании политическом» [4, с. 113]. Все эти три вида отрицания, которые, согласно Леонтьеву, сформировали Толстого, оказали значительное влияние на его видение проблем войны и мира, занимавших мысль писателя на протяжении всей жизни. Уже двадцать лет спустя, во время очередной русско-турецкой войны, Толстой, давно уже сформулировавший теорию непротivления, сформировавший негативное отношение к войне, подумывает отправиться в действующую армию, когда русские одно время терпели неудачу на Балканах. Боткин писал о Толстом: «В душе его кипит ненасыщаемая жажда, говорю ненасыщаемая, потому что то, что вчера насытило его, ныне разбивается его анализом». В связи с темой войны и мира мы тоже можем наблюдать борьбу между чистой этикой и живым народным чувством.

7 ноября 1854 года Толстой прибыл в Севастополь. В городе русской славы на него произвёл огромное впечатление дух русского войска. Но уже через неделю, 15 ноября, с переводом его на позиции в село Лозовое, в настроениях Толстого произошёл перелом: «Толстой по-другому более трезво оценивает положение русской армии». (На Бельбеке это выкристаллизуется в очевидность двух отношений к войне: в Севастополе, где воюет русское войско, «дух выше всякого описания»; на Бельбеке, в кругах военного руководства, – «тщеславие и только тщеславие»). Подобные перемены в оценке положения русской армии на фронте и в тылу говорят, вероятно, о чисто русском патриотизме, который, по словам Н.Я. Данилевского, проявляется только в критические минуты. Противоречивое отношение Толстого к войне исчерпывающе объясняется трактовкой Данилевского противоречия между народным чувством и идеалом пожертвования низшим ради высшего (западническим преклонением перед Европой, бессознательно жившем в Толстом): «Этим и объясняется и то, что русский патриотизм проявляется только в критические минуты. Победа односторонней идеи над чувством бывает возможна только при спокойном состоянии духа; но коль скоро что-либо приводит народное чувство в возбуждённое состояние – логический вывод теряет перед ним всякую силу, и бывший гуманитарный прогрессист, поклонник Поза, становится на время настоящим патриотом» [3, с. 53]. Когда дух Толстого приходит в возбуждённое состояние, он – «настоящий патриот», то есть чувствует и в себе, и в армии народный дух; но когда это состояние проходит, Толстой возвращается к излюбленной идее космополитизма.

Вместе с тем, именно этой противоречивостью и интересно видение Толстым событий Восточной войны. Она показана как будто глазами разных людей: страстного патриота, для которого главное – дух войска («и духом побеждают»); и скептика, подсчитывающего количество орудий и провианта. И выходит, что мы сталкиваемся с диаметрально противоположными точками зрения. В дневнике Толстой пишет, что дух войска выше всякого описания, такого духа не было и во времена Древней Греции, и подтверждает это «Севастопольскими рассказами»: «Главное отрадное убеждение, что вы вынесли, – это убеждение в невозможности взять Севастополь, и не только взять Севастополь, но и поколебать где бы то ни было силу русского народа, – эту невозможность видели вы не в этом множестве траверсов, брустверов, хитро сплетенных траншей, мин и орудий... но видели её в глазах, речах, приёмах, в том, что называется

духом защитников Севастополя» [7, с. 68]. Но в «Проекте» мы сталкиваемся с другой трактовкой: «Разврат, пороки и упадок духа русского войска», «солдат стоит на такой низкой ступени образования, что ничего, кроме физической боли, неощутимо для него, и, не зная ни событий истории, ни образа правления, ни причин войны, он дерётся только под влиянием духа толпы, но не патриотизма» [8, с. 586]. Стоит обратить внимание на то, что и самого Толстого нисколько не интересуют «причины войны» и «события истории». Крымский конфликт для Толстого – общечеловеческий конфликт, как его понимало большинство наших западников. Для Льва Николаевича враждуют Россия и Европа, две христианские державы – вот всё, что он знает о войне. Но то, что в конфликте принимают участие греки, турки, угнетаемые славяне, что христоролюбивые западные державы стали причиной кампании, встав на сторону «варварской», «завоевательной» Турции и поддерживав, таким образом, её в подавлении христианских славян, – для Толстого не суть важно. Что же, согласно мыслителю, должен знать о «причинах войны» и «событиях истории» русский солдат? Итак, русский солдат стар, развратен, порочен и безграмотен. Понятно, что войску, составленному из таких бойцов, трудно побеждать, тем более, что союзные солдаты стоят на более высокой ступени развития: «Я два часа провёл, болтая с ранеными французами и англичанами. Каждый солдат горд своим положением и ценит себя, ибо чувствует себя действительной пружиной в войске. Хорошее оружие, искусство действовать им, молодость, общие понятия об искусстве и политике дают ему сознание своего достоинства. У нас бессмысленные учения о носках и хватках, бесполезное оружие, старость, необразованность, забитость, дурное содержание, пища убивают последнюю искру гордости и даже дают им слишком высокое понятие о враге» [8, с. 29]. В то же время у Толстого мы находим снижающий образ врага в представлении русских солдат. А это чуть не рефреном повторяющееся в «Севастопольских рассказах»: «изумительные, возвышающие душу зрелища», «выражение какой-то восторженности и высокой, невысказанной мысли», «возвысившийся дух», солдаты «возвышались духом и с наслаждением готовились к смерти», «следы сознания своего достоинства и высокой мысли и чувства»?! Как это согласовать с упадком духа, с забитостью? Очевидно противоречие между «Проектом о переформировании армии» и «Севастопольскими рассказами». Но противоположные суждения содержатся и самих «Севастопольских очерках»: в первом рассказе война возвышает души сражающихся, во втором она – «сумасшествие эгоизма». Толстой как будто нарочно задался целью себе противоречить. Встречаются и совершенно удивительные случаи, когда одна и та же мысль по-разному реализуется в «Проекте» и «Севастопольских рассказах».

«Проект переформирования армии»
«человек, у которого ноги мокры и вши ходят по телу, не сделает блестящего подвига»

«Севастополь в мае»

– ...не могу верить, - сказал Гальцин, - чтобы люди в грязном белье, во вшах и с неумытыми руками могли бы быть храбры. Этак, знаешь ... не может быть.
– Да они и не понимают этой храбрости, - сказал Проскухин.
– Но что ты говоришь пустяки, - сердито перебил Калугин, - уж я видел их здесь больше тебя и всегда и везде скажу, что наши пехотные офицеры, хоть, правда, во вшах и по десять дней белья не переменяют, а это герои, удивительные люди [7, с.82–83]

Толстой задал вопрос, и сам на него ответил. Только в первом случае ответ получился положительным, а во втором – отрицательным.

Противоречивость Толстого проявляется и в оценках политической роли его произведений, в которых затрагивается военная тематика. К.Н. Леонтьев, например, пишет: «И, несмотря на то, что граф довольно тенденциозно и тео-филантропически порицает войну то сам, то устами доброго, но вечно растерянного Пьера, он всё-таки до того правдивый художник, что читатель может очень легко ни его самого, ни Пьера не послушаться и продолжать взирать на войну как на одно из высших, идеальных проявлений жизни на земле, несмотря на все частные бедствия, ею причиняемые (бедствия постоянно, – заметим кстати, – сопряжённые с такими радостями, которых мир не даёт!). А это в наш век ещё не излечённого помешательства на «всеобщем утилитарном благоденствии» великая политическая заслуга» [4, с. 20]. Ему вторит Н.О. Лосский: «среди военных, особенно тех, которые избрали этот путь как свою профессию, было немало лиц, служивших государству и отечеству по чувству долга, поэтому без позы, самоотверженно и скромно, без духа милитаризма. Эти свойства их прекрасно изображены в нашей литературе Пушкиным, Лермонтовым, Львом Толстым» [5, с.50]. С другой стороны, Леонтьев указывает на придирки Толстого, подозрения его всех и каждого члена образованного общества в тщеславии: «К чему такие болезненные эгалитарного духа и натянутые придирки? Вот если бы какое-нибудь мелкое движение самолюбия заставило человека изменить долгу и любви, или какому-нибудь другому высокому делу или чистому чувству, – то можно его за это осудить. А если люди дело своё делают, долг свой исполняют, как исполняют его более или менее все русские офицеры в романах Толстого, так что за беда, если они позабавятся немножко и тем стремлением к высшим, которое молодой (в то время) автор называет специально тщеславным? Специально и неправильно, именно потому что слишком специально, ибо тщеславиться можно всем чем угодно, самыми противоположными вещами» [4, с.94]. Так многие русские люди образованного класса, говорит Леонтьев, «тщеславились» в 50-60-е годы XIX столетия ложно понятым преклонением перед «низшими». Кроме того, здесь уместно вспомнить высказывание одного европейца по поводу тургеневского Лаврецкого. Не думаю, - говорил он, - чтобы все русские мужчины были таковы. Одна одиннадцатимесячная оборона Севастополя доказывает обратное. Но Лаврецкий всего лишь «слабый герой Тургенева», но не тщеславный и не эгоистичный, как Гальцин или Проскухин. В.В. Розанов так оценил «полити-

ческую заслугу» Толстого: «Приказ №1, превративший одиннадцатью строками одиннадцатимиллионную русскую армию в труху и сор не подействовал бы на неё и даже не был бы вовсе понят ею, если бы уже ¾ века к нему не подготовляла вся русская литература. Но нужно было, чтобы – гораздо ранее его – начало слагаться пренебрежение к офицеру, как к дураку, фанфарону, трусу, во всех отношениях к ничтожеству и отчасти вору... И самому Толстому надо было передать, как генералы храбрятся по виду и стараются не нагнуться при выстреле, но нагибаются, вздрагивают и трясутся в душе и даже наяву» [6, с.43-44].

Исследователи говорят о том, что Толстому чужд анализ социальных и политических причин войн, он оценивает события Крымской кампании с точки зрения абстрактного гуманизма. Почему же происходит этот крен в сторону общечеловеческого в писателе, создавшем величайшую *народную* эпопею, и особенно во время кампании, которая с точки зрения русских мыслителей-славянофилов является знаковой, символической? Почему приписка Панаева о том, что не мы начали эту войну, мы только защищаем свою Родину, считается почти кощунственной?! Откуда вообще весь этот «вой русского свободолюбия», заставивший многих русских желать поражения России в Крыму? От «болезни», которую Н.Я. Данилевский охарактеризовал как «слабость и немощь народного духа в высших слоях русского общества» [3, с. 253]. Именно поэтому наша политика, по верному замечанию К.Н. Леонтьева, после Восточной войны стала западнее, либеральнее. А издатель книги Анжерона де Гаспарена «После мира: либерализм и Восточная война» так объяснит этот феномен: «идея либерализма... должна была довершить дело, начатое союзом Англии и Франции... но Россия всё же выходила из войны, и этого одного было достаточно, чтобы партия могла быть уверенной, что мы бросимся на европейскую новинку. Каждая война, будь таковая по своим результатам для нас успешна или нет, мы перенимаем что-либо от своих соперников; мало того, мы перенимаем без разбора что ни попадёт нам у воевавших с нами на глаза... своим перениманием после столкновений с державами мы отличаемся... Требовалось не упустить лишь момента и вовремя занять наше внимание, пока мы не разобрались в причинах обнаружившихся трудностей кампании и, не придя в себя, стали в «новом» искать средства поправить дело, само по себе, далеко не плохое... [2, с. VI – VII].

«Дело, само по себе далеко не плохое», представляется Толстому бесконечно плохим (хотя Лев Николаевич развивается не в русле традиционного западничества); в чужом он видит одни преувеличенные достоинства, у себя – эгоизм и тщеславие одних, забитость и неразвитость других. Цель проповеди так называемого либерализма достигнута: «общество расщеплено на индивидуумы», «общество убито». И среди тех, кто «уготовлял историческое самоубийство русского народа», в частности, Н. А. Бердяев называет именно Льва Толстого: «Мировая война проиграна Россией потому, что в ней возобладала толстовская моральная оценка войны. Русский народ в грозный час мировой борьбы обессилили, кроме предательств и животного эгоизма, толстовские моральные оценки. Толстовская мораль обезоружила Россию и отдала её в руки врага» [1, с.136]. Николай Бердяев под мировой войной подразумевает революцию. Толстой весь роковой путь прошёл вместе с Россией, не дожив немногим более 7 лет до революции. Эволюция Толстого – это эволюция русского анархизма, эволюция западнических идей на русской почве. В Толстом наиболее ярко воплотились противоречия русского самосознания, «в нём сказались роковые и несчастные русские черты. Толстой был одним из русских соблазнов» [1, с. 137].

И потому правильное понимание эволюции Льва Толстого многое может объяснить в сложном развитии русского самосознания от 1853 до 1917 года.

Литература

1. Бердяев Н. А. Духи русской революции // Литературная учёба. - 1990. - № 2. - С. 123-140
2. Гаспарен А. После мира: либерализм и Восточная война. - М, 1904.
3. Данилевский Н. Я. Россия и Европа. - СПб, 1995.
4. Леонтьев К. Н. О романах графа Л. Н. Толстого. Анализ, стиль и веяние. - М, 1911.
5. Лосский Н. О. О характере русского народа // Философия и жизнь. - 1991. - № 2. - С. 35 - 60.
6. Розанов В. В. Апокалипсис нашего времени. - М, 1990.
7. Толстой Л. Н. Повести и рассказы. В 2 тт. - Т. 1. - М, 1960.
8. Толстой Л. Н. Проект о реформировании армии // Собрание сочинении. В 20 тт. - Т. 16. - М, 1964.
9. Чернышевский Н. Г. Рассказ о Крымской войне по Кинглеку. - М, 1935.